

УДК [398.61:81.161.1'37](470.62)

DOI 10.37972/chgpu.2020.109.4.010

Л. Б. Мартыненко, Е. А. Жиркова

КУБАНСКИЕ ЗАГАДКИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Россия

Аннотация. В системе фольклорных жанров особое место отводится жанровым формам, сохраняющим свою актуальность в современной культуре. Данная статья посвящена изучению современного бытования одного из малых нелирических фольклорных жанров – загадки. В работе раскрывается своеобразие загадок, зафиксированных в различных районах Краснодарского края в 70–90-е гг. XX века. Авторы исследования исходят из постулата, что в основе формирования языка фольклора лежит картина мира, которая отражает определенные ментальные установки. В фольклорном дискурсе особенно отчетливо проявляются миромоделирующие потенции языка. Тезаурус кубанских загадок связан со структурой мифопоэтической картины мира, отраженной в фольклоре Кубани. В данной статье миромоделирующая функция описана на материале народных паремий: малый нелирический жанр загадки рассмотрен в сопоставительном аспекте – сравнительно-типологический метод послужил исследовательским инструментарием данной работы. Этот метод позволил выявить сходства и различия загадок русского и украинского народов в специфической языковой контаминации говоров Кубани, определить их художественно-поэтическое своеобразие. Слияние двух языковых культур, русской и украинской, особым образом выразившееся в создании кубанского диалекта, обусловило специфику региональных вариантов общерусских загадок.

Ключевые слова: *загадки, народная паремия, малые нелирические фольклорные жанры, кубанский диалект, казачья культура, региональные особенности, региональный фольклор, фольклор Кубани.*

L. B. Martynenko, E. A. Zhirkova

KUBAN RIDDLES: REGIONAL FEATURES OF SEMANTICS

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Abstract. In the system of folklore genres, a special place is given to the genre forms that retain their relevance in modern culture. This paper dwells upon the study of the current form of existence of folklore genres – a riddle. The work reveals the peculiarity of riddles recorded in various regions of Krasnodar Krai in the 70–90s of the 20th century. The authors claim that the formation of the folklore language is based on the picture of the world which reflects certain mental attitudes. In the folklore discourse the world-modeling potentials of a language are particularly clearly manifested. The thesaurus of Kuban riddles is connected with the structure of the mythopoetic picture of the world reflected in the folklore of Kuban. This paper describes the world-modeling function on the basis of the folk paremia: a small non-lyric genre of riddles is considered in a comparative aspect – the comparative-typological method served as the research tool for this work. This method made it possible to identify similarities and differences in the riddles of the Russian and Ukrainian peoples in the specific language contamination of the dialects of Kuban, to determine their artistic and poetic specifics. The merger of the two language cultures – Russian and Ukrainian – which was particularly expressed in the creation of the Kuban dialect and which determined the specificity of the regional variants of common Russian riddles.

Keywords: *riddles, folk paremia, small non-lyric folklore genres, Kuban dialect, Cossack culture, regional features, regional folklore, Kuban folklore.*

Введение. Фольклор «речевых ситуаций» охватывает самые разнообразные стороны окружающего мира. Это так называемые малые нелирические жанры – загадки, поговорки и пословицы. «Загадка выступает в качестве учебника жизни, представляя мир с точки зрения фольклорного социума, отражая коллективную систему ценностей» [1, с. 15]. Базовые труды по специфике жанра народной паремии и сборники фольклорных загадок созданы во второй половине XX века (В. В. Митрофанова [4], В. П. Аникин [8], Д. Н. Садовников [3] и др.); в первой четверти XXI столетия многие исследователи обращаются к изучению фольклорной загадки с актуальным методологическим «инструментарием» (М. О. Абдрашитова [1], О. Н. Говоркова [2], М. О. Смоляр [9], А. А. Солдаева [10]). Предмет исследования в настоящей работе – этно-социальные элементы картины мира, «сконденсированные» в народной загадке, малом фольклорном жанре, отражающем хозяйственно-бытовой уклад, обычаи и нравы региона. Цель работы – исследование художественно-поэтического языкового своеобразия основных тематических групп кубанских загадок в сравнительно-типологическом аспекте, обусловленном сходством и различием кубанских и украинских народных паремий.

Актуальность исследуемой проблемы. Данная работа является одной из первых попыток обобщить накопленный материал и проанализировать типологию и поэтику загадок Кубани, которые в силу специфики жанра буквально «каталогизируют» бытовые и природные реалии, позволяя сложить элементы национальной картины мира в оригинальной региональной версии.

Материал и методы исследования. Фольклор Кубани – устное народное творчество самых разных жанров, созданное на характерном диалектном языке и зафиксированное на территории одноименного историко-географического региона. В связи с тем что основной пласт населения Кубани составляют потомки казаков, которые переселились из Украины и самых разных российских губерний, местный диалект сложился в результате смешения русского и украинского языков с «примесью» южнорусского диалекта. Подобная языковая специфика определила региональные особенности устного народного творчества Кубани, включающего как собственно русские и украинские произведения, так и произведения, созданные непосредственно на территории Краснодарского края на особом «кубанском» диалекте, возникшем в результате слияния двух языковых культур – русской и украинской. Как отмечает С. Ю. Неклюдов, «диалектность есть естественная форма бытия фольклора, а единственной реальностью устного текста является его присутствие в конкретном фольклорном диалекте» [6, с. 8]. Базовым материалом исследования послужили тексты, записанные во время студенческих фольклорных практик, зафиксированные в кафедральных сборниках [7] и архиве фольклорной лаборатории (Ф. А. КубГУ). Компаративный аспект исследования, продиктованный спецификой генезиса южнорусских говоров, своеобразием исторического развития и взаимодействия русскоязычного и украинскоязычного населения на Кубани, определил основную методологию работы.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследователи народных загадок М. А. Рыбникова, В. В. Митрофанова, С. Г. Лазутин отмечают, что в загадках отражена повседневная жизнь человека в самых конкретных формах ее проявления. Так, В. В. Митрофанова считает, что, «изучая загадки, мы можем составить представление о том, как и какими орудиями трудился крестьянин, какие животные и птицы окружали его в домашнем хозяйстве и с какими дикими животными он чаще всего сталкивался, что росло в поле и огороде, как выглядела деревня, как строилась изба, как обставлялась, какая домашняя утварь, предметы труда и обихода окружали крестьянина...» [5, с. 142]. Эти слова в полной мере характеризуют и основные тематические группы кубанских загадок.

Материалы фольклорных полевых практик показали, что наиболее полно тематически представлены группы загадок, отображающих орудия земледельческого труда (что объясняется особенностями региона), флору и фауну, явления природы.

Известно, что загадки отражают не родовые, а видовые понятия, и потому, например, при описании земледельческого труда можно встретить поэтические тексты о различных злаках (пшеница, ячмень, просо), орудиях крестьянского труда (коса, серп, цеп, телега, бричка, плуг), о процессе некоторых сельскохозяйственных работ. Например:

*Идут овсяники (лошади),
Идут отрубьяники (быки),
Везут рогатого (вилы),
Колоть пузатого (сноп)* [7, с. 110. № 359].

Подобная детализация при описании конкретных объектов характерна для всех тематических групп кубанских загадок.

Интересны немногочисленные загадки о таких отвлеченных понятиях, как жизнь, смерть, эхо, тень, время, имя, отражение и другие. Они глубоко раскрывают философские взгляды народа. Так, в загадке *Не помню, не вижу, не знаю* [7, с. 96, № 214] лаконично, но точно сказано о рождении, росте и смерти человека. Тень поразила составителей загадок своей «всесущностью»: *И у тэбэ есть, и у мэнэ есть, у дуба в поле, и у рыбы в море* [7, с. 98, № 229], неуязвимостью: *Лежит на земле – не закрасить, не соскоблить, не завалить* [7, с. 98, № 226], неуловимостью: *Ты – за ней, она – от тебя, ты – от нее, она – за тобою* [7, с. 98, № 228].

Иногда загадки об отвлеченных понятиях имеют форму вопроса, что придает им еще большую философичность: *Кто идет, не двигаясь с места?* – время [7, с. 97, № 218] или

*Що растэ бэз кориння,
Що горыть бэз польмя?* – любовь [7, с. 99, № 239].

Исследователи неоднократно отмечали, что загадки по преимуществу отражают крестьянский быт и миропонимание, сугубо городских загадок мало. Но они, возникшие сравнительно недавно, также очень интересны. Вот загадка о самолете:

*Трещит, а не кузнечик,
Летит, а не птица,
Везет, а не лошадь* [7, с. 143, № 738].

Очевидно, что она составлена по традиционной форме – описание свойств умалчиваемого предмета путем противопоставления его нескольким объектам, обладающим теми же функциями. Загадке крайне важно точно передать внешние и функциональные особенности новых объектов, входящих в жизнь человека: если самолет – это «птица – небылица», внутри которой «народ сидит, меж собой говорит», то ракета – «без крыльев птица, улетит и приземлится» [7, с. 144, № 752]; современный корабль – это «лебедь без крыльев» [7, с. 143, № 740]. Загадки отмечают необыкновенную мощь современной техники: комбайн (трактор) – это «силач, добывающий калач» [7, с. 143, № 741], бульдозер – «воин со щитом» [7, с. 144, № 751].

Наблюдения показывают, что большинство кубанских загадок – это загадки метафорические. И метафоры порой могут быть самыми неожиданными. Так, стены дома сравниваются с конями на привязи: *Стоят кони на прыпони* (прыпона – укр. «привязь»), *нэ пьют, нэ йидять, а поныне стоять* [7, с. 79, № 20]. Очевидно, что данная загадка образовалась в результате сопоставления предметов по особенностям их движения, соотношению подвижного и неподвижного.

Веник по характеру действия (поведения) сравнивается с неким живым существом: *Пидтыкано, пидимыкано, а по хате бегае* [7, с. 90, № 150] или *Штатается, мотаается, под плиту ховається* [7, с. 91, № 152]. Интересно, что в некоторых загадках этот незамысловатый предмет получает имя и еще в большей степени уподобляется человеку: *Кучерявый Иван усю хату обскакал* [7, с. 90, № 147], *Гольый Степан пахать стрыбал* (стрыбати – укр. «прыгать») [7, с. 90. № 149]. Метла же – «Федосья»: *Бежит Федосья, растрепаны*

волосья (Ф. А. КубГУ). Веник и метла выполняют аналогичную работу, но внимательным творцам фольклорных текстов важно точно подобрать метафорические эквиваленты даже по родовому признаку.

Нередко предмет и его метафора в загадках сопоставляются на основе их общего внешнего сходства: *Нэсуть свыню до тына, на обох концах по рылу* (корыто) [7, с. 85, № 92] или *Чэрэз морэ сынэ горло журавлинэ* (дужка у ведра с водой) [7, с. 88, № 118].

Помимо трех рассмотренных выше способов их создания для кубанских загадок характерны также случаи, когда предметы сопоставляются по цвету: *Девка красна, а сердечко било* (редиска) [7, с. 114, № 414], *Красный петушок в землю поет* (бурак) [7, с. 114, № 406]. Объекты могут сближаться на основе признаков их внутренней организации: *В одной дижке* (дижа – укр. «кадка, квашня») *две приспишки* (яйца) [7, с. 101, № 265]; в некоторых случаях образы объектов сравниваются по их функции в бытовой жизни народа: *Сама не ем, а людей кормлю* (ложка) [7, с. 86, № 100].

Следует отметить, что загадки нередко очень трудно отгадать, так как их создатели нарочито старались усложнить путь расшифровки загадок. Вот, например, загадка о сельском кладбище:

*Стоит село,
Все заселено.
Петухи утром поют,
Да люди не встают* (Ф. А. КубГУ).

Хотя по форме это положительная загадка, в ней явно не сопоставляются, а противопоставляются живой и неживой миры: кладбище – не село, где избы да хаты, оно густо «заселено» могильными холмами. Вот почему горластые петухи не могут утром разбудить людей, ведь они не уснули, а умерли.

Очень часто, чтобы загадка было сложнее отгадать, предметы и явления неживого мира сопоставляются с живыми существами. В этом случае возникают олицетворения. Так, плетень уподобляется стоящим в ряд крепким «хлопцам», которые преграждают путь непрошеным гостям: *Сталы хлопци в ряд, проходыть нэ велять* [7, с. 85, № 86]. Ведра в загадке представлены как живые существа, причем точно подмечены особенности их действий: «Идут вперед – смеются», потому что пустые и при покачивании издают звон. «Идут назад – плачут» [7, с. 88, № 116], так как переполнены, и при движении из них на землю проливается вода.

Однако иногда при составлении загадки, напротив, живые существа уподобляются неживым. Так, гусь сравнивается с белыми хоромами с красными подпорами. Очевидно, в загадке учтено не только цветовое сходство двух сопоставляемых объектов, но и их эмоционально-смысловая близость: «величественная», важная птица напоминает не просто крестьянскую хату, а именно хоромы – роскошное жилище имущих классов.

Интересна загадка с отгадкой «человек», когда живое существо передано через несколько метафорических образов, большинство из которых также принадлежит неживому миру:

Стоят вилы (ноги).
На вилах – бочка (туловище).
На бочке – кочка (голова).
На кочке – осока (волосы).
А там, в осоке, звери живут (вши) [7, с. 95, № 198].

Эта загадка невольно напоминает детский рисунок, когда малыши пытаются изобразить человека.

Чтобы опять-таки затруднить процесс отгадывания, народ нередко сопоставляет объекты, существенно отличающиеся по размерам, то есть при создании загадок часто

используются такие тропы, как гиперболы и литоты. Вот наиболее интересные примеры образования кубанских загадок с использованием поэтических преувеличений: *Лежит кучка поросят, кто их тронет – завизжат*(пчелы) [7, с. 127, № 550];

Лежит колода средь огорода.

Ни взять, ни поднять,

Ни собакам отдать (язык) [7, с. 94, № 183].

Приведем примеры поэтических преуменьшений при сопоставлении двух объектов: *Кругом горшка обтянута кишка* (завалинка) [7, с. 78, № 5]; *На крайчику, на сарайчику две куколки сидят, врозь глядят* (горы) [7, с. 136, № 657].

Следует обратить внимание на особую экспрессивно-эмоциональную окрашенность многих текстов загадок. Часть из них имеет юмористическую окраску. Так, например, ушат сравнивается с тушей, у которой есть уши, но нет головы:

У нашей туши

Выросли уши,

А головы нет [7, с. 87, № 112].

Маленькая миска уподобляется огромной яме, которую наполняют не ложками, а кочергами. Без сомнения, тут обыгрывается «неиссякаемый» аппетит едоков: *Вокруг ямы с коцюбами* (коцюба – укр. «кочерга») [7, с. 86, № 102]. А вот как звучит на Кубани загадка о всеми любимом варенике: *Вареное ухо просится в брюхо* [7, с. 101, № 270].

Иногда загадки нарочито эротичны, хотя их отгадки самые невинные:

Сутулый бес на бабу влез,

На бабе посидел,

На девку пересел (Ф. А. КубГУ).

Не сразу догадаешься, что это обычное коромысло. На первый взгляд, неприличной кажется загадка с совсем безобидной отгадкой «рушник»:

Висит, телпеается,

Всяк за него хватается [7, с. 84, № 78].

Нередко в загадках дается поэтическое описание самых обычных предметов быта или явлений природы. Например, поезд с вагонами уподобляется сказочному чудовищу:

Хвост длинный,

Глаза огненные.

Идет пыхтит, покрикивает [7, с. 144, № 748].

Сено противопоставлено пуху, перине, хлебу и солнцу:

Легкое, но не пух,

Мягкое, но не перина,

Душистое, но не хлеб,

Желтое, но не солнышко [7, с. 109, № 355].

Загадка о росе – это лирическая миниатюра, передающая богатый духовный мир народа:

Заря – заряница,

Красная девица

По лесу ходила,

Ключи обронила,

Месяц видел, не сказал,

Солнце увидело и подняло [7, с. 137, № 674].

Среди рассмотренных загадок большинство метафорического характера. Но иногда встречаются и другие их виды: счет и задачи, затейливые вопросы и игра слов. Это в большинстве своем загадки – шутки, развивающие внимательность, сообразительность. Например:

*Я и Тарас,
Да и тот хлопец,
Що у нас,
Да четыре брата,
А у братьев по жинци,
А у жинци по дытынци.*

Сколько всего человек в семье? [7, с. 147, № 777].

Ответ – 12: четверо братьев, у каждого по жене и ребенку.

Приведем пример загадки, заключающей в себе затейливый вопрос: *Що в нашей хати за поцелувайло?* [7, с. 87, № 105]. Ответ – кружка: кружку всякий прижимает к губам, «целуется» с ней. Форма «поцелувайло» (тот, кто целует) – диалектная, ср., в шуточной кубанской песне «Я ж тэбэ, жиночка, нэ лаю» – «Михайло – гарный запевайло», т. е. запевала. А вопрос *Когда лошадь покупают, какой она бывает?* основан на многозначности слова «покупают». Невольно задумываются над значением «приобретают», даются неверные ответы: молодой, красивой, сильной и т. д. А ответ связан с другим значением слова – «мыть в воде», а значит, лошадь становится чистой.

Загадки могут быть очень короткими, когда они рисуют какой-либо один образ-картину: *Кругом хаты сыни лопаты* (окна) [7, с. 80, № 22]. Но иногда загадки представляют собой сложный рассказ. Такова, например, «драматическая история» о том, как волки похитили овец, а собаки лаем предупредили людей, и те, сев на лошадей, бросились вдогонку серым разбойникам:

Прыбигли штрыкибрики (волки),
Похваталы хвабрики (овцы),
Почулы мя кыныки (собаки) –
«Сидайте на вывсяныкив (коней),
Догоняйте штрыкибрикив,
Отымайте хвабрики» [7, с. 122, № 495].

Любопытно, что в этой загадке поэтические эквиваленты загадываемых предметов по существу помогают процессу разгадывания: штрыкибрики (от укр. «штрикати» *ткнути, колоть*) – те, что колют, волки; хвабриками (фабриками) названы овцы, из шерсти которых изготавливают различную одежду; мякыныки – те, что любят мякоть (собаки) и, наконец, вывсяныками условно обозначены кони, предпочитающие овес другим видам корма. «В народной речи “загадать” означает задумать, замыслить, предложить что-либо неизвестное для отгадки» [2, с. 4].

В. В. Митрофанова пишет: «Репертуар загадок, художественные особенности их, иногда даже смысл и значение связаны с той местностью, где загадки бытуют» [4, с. 113]. Это действительно так. В сборнике Д. Н. Садовникова приводится загадка «Дыр много, а вылезть некуда» с отгадкой «решето», зафиксированная в Самарской губернии [3, с. 68, № 391(а)]. На Кубани известен более пространственный вариант этой загадки «Хата не хата: викон богато; е, кудыулизты, тай некуда вылизты» [7, с. 92, № 165], имеющий иную отгадку – «сеть для ловли рыбы».

Значительно реже в Краснодарском крае встречаются варианты украинских загадок. Так, кубанская загадка о колоде *Лежит баран, на нем тысяча ран* [7, с. 119, № 465] – это вариант украинской загадки *Е у нас такій баран, що у него сорок ран* (ковбича) [3, с. 375, № 43], бытующий на русском языке. Между тем варианты украинской загадки о месяце – «Лесом идэ, нэтреснэ, водою идэ, нэплюснэ» [8, с. 32, № 10] в Краснодарском крае продолжают бытовать на украинском языке [7, с. 132, № 608], также как и варианты украинской загадки о солнце *Стоит дерево середь села, а в кождїй хатце по гияльце* [8, с. 374, № 33]. Кубанская загадка о волке, собаке и свинье *Прийшла темнота пид наши ворота,*

пытае лепех: «Чи дома понура?» [7, с. 122, № 494] ситуативно напоминает украинскую загадку о мышке и кошке *Пыталася швидка сверка: чи е хатко дома* [8, с. 375, № 42].

Следует отметить, что порой трудно с полной уверенностью сказать о той или иной загадке, где она возникла: у русских или у украинцев, столь длительны и широки русско-украинские фольклорные связи. Например, на Кубани очень популярная загадка о яблоке и свинье:

*Хода – ходэ, выса – высэ,
Выса впала – хода зыла* [7, с. 120, № 472].

Ближкий вариант этой загадки с аналогичной отгадкой есть в сборнике И. П. Сахарова в разделе «Червоно-русские загадки»: *Виса висить, хода ходить; виса впала, хода взяла* [8, с. 372, № 6], а в сборнике Д. Н. Садовникова даны два варианта этой же загадки: новгородский *Виса висит, хода ходит; виса пала, хода съела* [3, с. 111, № 846] и калужский *Хода ходит, виса висит; виса пала, хода съела* [3, с. 120, № 933]. Калужский вариант имеет несколько иную отгадку – «свинья и желуди».

На Кубани широко известна и загадка о дороге *Лежит Ася (Гася), простяглася, як устанэ – нэбо достанэ* [7, с. 136, № 652], варианты этой загадки есть у Сахарова в разделе «Червоно-русские загадки» *Довга Гася (Лася) простяглася, кобы встала, то бы неба достала* [8, с. 373, № 25] и у Садовникова (зафиксирован в Псковской губернии) *Лежит Гася простяглася; как встанет – небо достанет* [3, с. 159, № 1379(в)]. В примечании к загадке в сборнике Д. Н. Садовникова указано, что она распространена и у украинцев (приведен вариант из сборника А. М. Сементовского «Малорусские загадки», 1872) и у белорусов (дан вариант из сборника И. И. Носовича «Белорусские пословицы и загадки», 1869).

Особый интерес представляют те кубанские загадки, варианты которых не найдены нами в фундаментальных сборниках этого жанра, а судя по лексике, они имеют местный, региональный характер: о подсолнечнике *Под одним колпаком семьсот казаков* [7, с. 112, № 388], о колоколе *Лезу, лезу по железу, как залезу я на мост, как схвачу быка за хвост, как мой бык заревет, всю станицу соберет* [7, с. 145, № 756], о дожде *Длинный, цыбулястый, с травы не видать* [7, с. 138, № 677], о рыбе *Иихала пани у серебряном жупани, як вышла у сад, нэвэрнулася назад* [7, с. 125, № 527] и др. Очень оригинальной представляется кубанская загадка о решете *Дай, кума, богита, богита живита* [7, с. 88, № 125]. Смысл ее становится понятен, если вспомним, что в старину приехавших от венца жениха и невесту родители обсыпали хмелем, зернами, монетами, которые брали из решета, приговаривая: «Живите богато, дружно!» Таким образом, загадка возникла в результате изменения звуковой структуры слов «богато живите». «Вариативность загадок – это рефлексия и над языком, и над существующей фольклорной традицией» [10, с. 135].

Наблюдения показывают, что в тех районах края, где преподавателями и студентами филологического факультета Кубанского государственного университета были проведены фольклорные практики, активно бытуют варианты общерусских загадок, зафиксированных в сборниках И. А. Худякова, Д. Н. Садовникова, М. А. Рыбниковой, В. В. Митрофановой: *Брат с сестрой видятся, а не сходятся* (пол и потолок), *Черный конь скачет в огонь* (кочерга), *Семь одежек и все без застежек* (лук), *Не живой, а дышит* (опара), *Шел долговяз, в сыру землю увяз* (дождь) и другие. Однако для многих кубанских вариантов общерусских загадок характерны весьма существенные местные особенности.

Во-первых, нередко встречаются случаи двойного звучания одинаковых по смыслу загадок. Так, повсеместно бытующая загадка об огурце в нашем крае известна на русском языке: *Без окон, без дверей полна горница людей* [7, с. 111, № 370] и на местном диалекте – *Бэз викон, без двэрэй повна хаточка людэй* [7, с. 111, № 371], а широко распространенная загадка о соли *В воде родится, а воды боится* [7, с. 100, № 255] в Краснодарском крае имеет диалектный вариант *В води растэ, в води кохается, а кынь в воду – злякается*

[7, с. 100, № 253]; загадка о моркови *Сидит девица в темнице, а коса на улице* [8, с. 113, № 402] может звучать иначе: *Дивка у комори, а коса на двори* [7, с. 113, № 403].

Во-вторых, некоторые общерусские загадки могут развиваться, усложняться, в результате чего возникают их новые оригинальные варианты. Всем известна загадка о лапше *Сидит на ложке, свесив(ши) ножки*, именно в такой форме загадка представлена во всех фундаментальных сборниках этого жанра. В Тимашевском районе был зафиксирован более пространственный вариант загадки, в котором лапша показана не просто как некое живое существо, а важная и всем необходимая персона:

*Така госпожа
Усим гожа:
Сыдытьу ложке,
Звисыла ножки* [7, с. 101, № 268].

В этом же районе записана интересная загадка о репе:

*Кругла бочина,
Та нэ дивчина,
С хвостыком,
А нэ мышка* [7, с. 114, № 411].

В сборнике Д. Н. Садовникова «Загадки русского народа» наиболее близкий вариант нашему кубанскому тексту звучит так:

*Кругла, да не девка;
С хвостом, да не мышь* [1, с. 108, № 816(a)].

По существу, местный вариант отличается от общерусского лишь одним словом «бочина» (бок), но для такого небольшого по объему жанра, как загадка, и это существенно: вводится новая уточняющая деталь о загадываемом предмете и создается своеобразный ритмический рисунок самого поэтического текста: «бочина– дивчина».

В-третьих, под влиянием местного диалекта могут варьироваться и отгадки. Так, загадка *Без рук, без ног на горнице влез* встречается на Кубани с общеизвестной отгадкой «арбуз» [7, с. 111, № 376] и в то же время с диалектной – «кавун» [7, с. 111, № 375]; загадка *Красный петушок в землю поет* имеет синонимические отгадки: «свекла» [7, с. 114, № 406] и «буряк» [7, с. 114, № 406].

В-четвертых, некоторые общерусские загадки и прежде всего о растениях, овощах, бахчевых бытуют на Кубани с иными отгадками, что объясняется особенностью растительного мира данного региона. Повсеместно в России известна загадка об огурце (арбузе) *Без окон, без дверей полна горница людей*. В Краснодарском крае она имеет и другую отгадку – «кабачок» [7, с. 111, № 370]. Этот овощ произрастает не везде, поэтому в фундаментальных сборниках русских загадок такой отгадки нет. Также широко популярная загадка о камыше *Стоит дед (мужик) над водою, трусит бородою* на Кубани бытует с иной отгадкой – «ива» [7, с. 116, № 436], а загадка о тыкве *Желтая курица под плетнем дуется* в Краснодарском крае чаще имеет отгадку «дыня» [7, с. 111, № 381]. Кубанские информанты не помнят загадок о морозке, рябине, но знают оригинальный текст о калине:

*Стоит дид над водою
С червонной бородою.
Кто нэидэ, нэминэ:
За бородочку щипнэ* [7, с. 116, № 432].

Выводы. Загадка – один из самых архаичных фольклорных жанров. Народные паремии вербализуют ряд концептов, которые сформировались в сознании носителей определенной этнокультуры и отражают национальное своеобразие их мировосприятия. Несмотря на обширный корпус кубанских загадок метафорического характера, в связи с тем что загадка как жанр относится к фольклору «речевых ситуаций», встречаются и другие

их виды: счет и задачи, затейливые вопросы, игра слов; особую группу составляют загадки-шутки. Под влиянием местного диалекта многие общерусские загадки претерпели существенные изменения, в результате чего возникли их новые оригинальные варианты. Некоторые общерусские загадки, прежде всего о растениях, овощах, бахчевых культурах, бытуют на Кубани с иными отгадками, что объясняется особенностью растительного мира данного региона.

Кубанские пословицы, поговорки и загадки – ценный материал для изучения региональной традиции бытования общерусских малых нелирических жанров, а также для исследования взаимосвязи фольклора русского и украинского народов.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Фольклорный архив Кубанского государственного университета (Ф. А. КубГУ). – 1970–1975 гг. – Д. 2. – Л. 4–6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдрашитова М. О.* Свообразие загадки как жанра фольклорного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* – Тамбов : Грамота, 2013. – Т. 22. – С. 15–18.
2. *Говоркова О. Н.* Русская народная загадка (история собирания и изучения) : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09. – М., 2004. – 162 с.
3. Загадки русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников ; вступ. ст. и примеч. В. Аникина. – М. : ТЕРРА, 1996. – 335 с.
4. *Митрофанова В. В.* Вопросы публикации и текстологического изучения русских народных загадок // *Принципы текстологического изучения фольклора.* – М. ; Л. : Наука, 1966. – С. 102–123.
5. *Митрофанова В. В.* Художественный образ в загадках // *Современные проблемы фольклора.* – Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1971. – С. 141–151.
6. *Неклюдов С. Ю.* Диалектность – региональность – универсальность в фольклоре // *Универсалии русской литературы.* Вып. 4. – Воронеж : Научная книга, 2012. – С. 8–38.
7. *Пословицы, поговорки и загадки Кубани* / сост. Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова. – Краснодар : КубГУ, 2000. – 167 с.
8. *Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым* : сборник / вступ. ст. и примеч. В. Аникина. – М. : Художественная литература, 1990. – 398 с.
9. *Смоляр М. О.* Миромоделирующая функция жанра загадки в фольклорном дискурсе // *Вестник Томского государственного университета.* – 2007. – № 304. – С. 18–21.
10. *Солдаева А. А.* Русская традиционная загадка: вариативность и интертекстуальность // *Актуальные проблемы языкознания.* – СПб. : Санкт-Петербургский гос. ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2016. – Т. 1. – С. 135–138.

Статья поступила в редакцию 17.11.2020

REFERENCES

1. *Abdrashitova M. O.* Svoebrazie zagadki kak zhanra fol'klornogo diskursa // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* – Tambov : Gramota, 2013. – T. 22. – S. 15–18.
2. *Govorkova O. N.* Russkaya narodnaya zagadka (istoriya sobiraniya i izucheniya) : dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.09. – M., 2004. – 162 s.
3. *Zagadki russkogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* / sost. D. N. Sadovnikov ; vstup. st. i primech. V. Anikina. – M. : TERRA, 1996. – 335 s.
4. *Mitrofanova V. V.* Voprosy publikacii i tekstologicheskogo izucheniya russkih narodnyh zagadok // *Principy tekstologicheskogo izucheniya fol'klora.* – M. ; L. : Nauka, 1966. – S. 102–123.
5. *Mitrofanova V. V.* Hudozhestvennyj obraz v zagadkah // *Sovremennye problemy fol'klora.* – Vologda : Vologod. gos. ped. in-t, 1971. – S. 141–151.
6. *Neklyudov S. Yu.* Dialektnost' – regional'nost' – universal'nost' v fol'klоре // *Universalii russkoj literatury.* Vyp. 4. – Voronezh : Nauchnaya kniga, 2012. – S. 8–38.
7. *Poslovicy, pogovorki i zagadki Kubani* / sost. L. B. Martynenko, I. V. Uvarova. – Krasnodar : KubGU, 2000. – 167 s.

8. Skazaniya russkogo naroda, sobrannyye I. P. Saharovym : sbornik / vstup. st. i primech. V. Anikina. – M. : Hudozhestvennaya literatura, 1990. – 398 s.

9. *Smolyar M. O.* Miromodeliruyushchaya funkciya zhanra zagadki v fol'klornom diskurse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2007. – № 304. – S. 18–21.

10. *Soldaeva A. A.* Russkaya tradicionnaya zagadka: variativnost' i intertekstual'nost' // Aktual'nye problemy yazykoznaneya. – SPb. : Sankt-Peterburgskij gos. un-t «LETI» im. V. I. Ul'yanova (Lenina), 2016. – T. 1. – S. 135–138.

The article was contributed on November 17, 2020

Сведения об авторах

Мартыненко Лариса Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, заведующая фольклорной лабораторией Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия; e-mail: pavel_lider@mail.ru

Жиркова Евгения Алексеевна – доктор филологических наук, заведующая кафедрой истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия; e-mail: kalin_tsar@list.ru

Author Information

Martynenko, Larisa Borisovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia; e-mail: kalin_tsar@list.ru

Zhirkova, Yevgenia Alekseevna – Doctor of Philology, Head of the Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia; e-mail: kalin_tsar@list.ru